Глава 105. Передышка в Хогвартсе

На некоторое время все успокоилось. Нет, конечно, не совсем так, чтобы «в мире тишина и во человецех благоволение»: зияющие* вершины политического Олимпа бурлили и пенились на зависть любому болоту, источая ядовитый, лишающий сознания, но такой притягательный аромат…

/*Прим. автора: буква «з» — не опечатка. Так задумано*/

Но все это оставалось «где-то там», и не принимало форм, требующих немедленного (или вообще какого-либо) вмешательства. Так что мы в Хогвартсе могли позволить себе небольшую передышку и просмотр очередной серии комедии «гарем Рональда Уизли». Если бы ЭТО сняли в аниме — сериалу был бы обеспечен успех в категориях «фентези» (все-таки действие происходит в школе магии в соответствующем антураже), «повседневность» и, разумеется, «комедия».

Вот и сейчас мы имели возможность наблюдать очередную серию этого замечательного сериала: «перетягивание Рона Уизли». Слева — Марта Олдридж, в чьем поведении все сильнее просматривались черты яндере*. Видимо — так проявляются те черты наброшенной на нее некогда психической маски, которые призваны были обеспечить ей имитацию Трикси. Справа — Лаванда Браун. Ее еще не успело раскачать на формирование типично анимешного психотипа… Но чем-то Мияки Шино* она уже начинает напоминать.

/*Прим. автора: Яндере — психически неуравновешенные девушки с маниакальными наклонностями, которые готовы на всё ради того, чтобы их возлюбленный был рядом с ними. Один из типичных образов аниме. Пример — Гасаи Юно из «Дневник будущего»*/

/*Прим. автора: Мияки Шино — героиня анимэ «Maji de Watashi ni Koi Shinasai!» */

— Мы идем в Зонко! — уверенно заявила Марта. Даже немного странно. При ее-то увлеченности Порядком (непременно с большой буквы) и идеями Пресвятаго Дамблдора… Вот бы ей еще намекнуть, что предсказуемый и предвиденный путь, а также взаимопомощь и общее благо — есть характерные признаки Гниющего сада и его хозяина. Впрочем… все равно не поймет и не поверит.

— Нет! — вскинулась Лаванда. — Мы идем в Сладкое Королевство! — н-да… вкусы Ронникинса они обе уже неплохо изучили.

Лаванда приникает к Рону, и тот непроизвольно ее обнимает. При этом рука рыжего соскальзывает несколько ниже того места, где спину еще можно назвать «спиной» или, хотя бы «талией». Девочка радостно шевелит прикасаемым местом, поощряя парня продолжать, но Рон отдергивает руку, будто обжегся, и начинает сбивчиво извиняться. За спиной рыжего Марта показывает Лаванде язык.

Разумеется, это немедленно вызывает ссору. Пока девушки излагают друг другу каждая свое, разумеется — единственно верное мнение, Рон стоит с таким видом, как будто хочет провалиться на месте.

Поскольку Ронникинсу я не могу сочувствовать даже абстрактно, я решил немного поиздеваться. Я подставил левую руку Миа, а сзади-слева к нам пристроилась Джинни. Конструкция в целом получилась чем-то напоминающая перетягушечки с Роном посередине. Но когда я двинулся в сторону заведения мадам Розмерты, девочки отнюдь не стали мешать моему движению, навязывая собственные интересы. Ну а то, что мы с Миа договорились через

связь Меток, а Джинни и вовсе все равно куда идти — это, в сущности, такие мелочи… Легкое недоумение, плавно переходящее в тяжелый мозговой ступор, сменилось на лице Рона привычным и нормальным выражением всепоглощающей зависти. Впрочем, это обычное для него состояние, и не вызывает у меня когнитивного диссонанса, в отличие от его же почти успешной попытки осмыслить окружающую действительность.

В «Трех метлах» к нам присоединилась еще и Луна, ранее наблюдавшая за нами с некоторого удаления. Безумный пророк явно что-то задумала, но прорывать ее блокировки ради того, чтобы узнать о том, что я и так узнаю через пару минут — мне хорошей идеей не показалось. Ну, хочет девочка развлечься — так почему бы и нет.

Так что время до назначенного Луной часа «Ч» мы провели, обсуждая Кодекс Ситхов в его самой, на мой взгляд, правильной, то есть — бейнитской, интерпретации.

— …понимаете, у нас, в Британии, понятия «могущества» и «власти» настолько переплетены, что обозначаются одним словом, — а то, что английский язык для меня вовсе и не родной… этот вопрос мы опустим, как малозначимый: в конце концов, мы сейчас не возле кристалла Анны, не в Тайной Комнате Слизерина, и даже не в цитадели Дома Блэк. Мало ли кто услышать может… — Вот, скажем, у русских эти понятия разграничены более четко. Наверное, русскому легче быть настоящим ситхом. Но все равно это нелегко. Опустим начальный толчок эмоций и страстей. «Через Силу я обретаю могущество, через могущество я обретаю Победу», так? И многие, очень многие… да, по сути, практически все сколько-нибудь известные ситхи застревали на этом шаге. Даже Марка Рагнос не избежал этой ловушки. Больше Силы, больше могущества, больше побед… все новые и новые цепи и ограничения. Стоящий у вершины власти не может быть свободен. Ограничивая доступные средства, Правило Бейна, Правило Двух, не давало возможности зациклиться на победах и власти. Оно буквально заставляло искать возможности сделать следующий шаг — к разорванным цепям и свободе. А дышащий в спину ученик, «тот, кто жаждет могущества» — не давал считать себя совершенством, заставлял искать все новые и новые возможности улучшить свое владение… Силой, мечом, словом… В своем роде это было совершенство. Но, увы. Ко времени Дарт Сидиуса смысл Правила Двух был уже надежно забыт. Соблюдая его формально, Палпатин оказался не готов подготовить настоящего ученика, того, что принял бы его Тьму и стал бы настоящим стимулом для развития обоих. Результат, в сущности, был немного предсказуем…

Как раз во время обсуждения некоторых философских особенностей обращения к Боган, случилось то, чего так ждала Луна. К нашему столику подошли три относительно взрослых парня. При этом мадам Розмерта куда-то исчезла…

— Ты посмотри, Сэм, что творится? — начал стоящий впереди всей троицы высокий парень в одежде, выдававшей его близкое знакомство с Лютным переулком, и лицами, его населяющими. — Не многовато ли для такого шибздика сразу трех девочек? Делиться надо!

— Так это же, Джон, наш известный дуэлянт! Можно сказать — бретер, — с глумливой улыбкой высказался из-за его плеча сероглазый блондинчик. Впрочем, одета вся троица была практически одинаково, так что сомнений в том, откуда они заявились в Хогсмит — не оставалось. — Думает, что если пришиб этого, как его… журналистишку, чтобы тот не рассказал, сколько денег ему обещали за то, что поддастся — то его бояться будут? Ха-ха-ха!

Третий же их товарищ, взятый, очевидно, для давления массой, хмуро промолчал. Но именно он успел хотя бы дернуться, когда я отреагировал. Правда, увидев, что я поднимаю левую руку, да еще и без палочки — он заметно расслабился. Зря.

Поднеся сжатый кулак к левому виску, я резко разжал пальцы в малоизвестном в Англии оскорбительном жесте*.

В принципе, большинство боевых заклятий вершатся мысленно: так оно быстрее. Но иногда в бою случаются ситуации, когда доверять собственным мыслям — недопустимая роскошь. Вот и приходится триггеры некоторых заклинаний вешать на вербальные формы, или же жесты. Один из таких триггеров сейчас и сработал.

/*Прим. автора: жест японского происхождения. В России бы покрутили пальцем у виска*/

Когда муть перед глазами рассеялась, мы все вчетвером оказались одновременно внутри и снаружи бутылки Кляйна, в которую свернулось наше общее ментальное пространство, обзаведшееся к тому же сильно плавающей мерностью. Для неподготовленного сознания само созерцание эдакого выбрыка реальности являлось изощренной пыткой. По крайней мере, вестибулярный аппарат в троих моих оппонентов подавал однозначные сигналы, что не желает продолжать во всем этом участвовать. Нет, физически для нас ничего не изменилось. Они все также стояли перед столиком в «Трех метлах», а я — сидел за столиком. Но это физически. Для сознания же поток внешней информации был полностью перехвачен заклятьем и заменен на то, что считал правильным я. Защититься от такого, в принципе, не слишком сложно, и использовать такой фокус хотя бы на подготовленном авроре я бы не рискнул. Но, как я и ожидал, уровень преподавания окклюменции для функционеров низшего звена в Лютном оказался прискорбно низким. В принципе — логично. Зачем тратить время и силы на расходный материал? Так что гопота обыкновенная не сумела ни удержать свое сознание от попадания в сложную иллюзию, ни взять под свой контроль хотя бы часть ее.

— Итак, — холодно улыбнулся я, формируя реальность, в которой я стою в черном плаще, с некими инструментами замысловатой формы в руках, а они — висят в воздухе, жестко зафиксированные непонятно чем. — Теперь у нас есть семьдесят два часа прежде, чем ваши тела рухнут на пол и кто-нибудь посторонний сумеет вмешаться в наше общение. Надеюсь, за это время вы расскажете мне что-нибудь… интересное. К примеру — вы сами додумались наехать на компанию никому не мешавших школьников, или вас кто-то надоумил?

— Мы просто пошутить хотели! — задергался Сэм. — Никто нас не посылал!

— Пошутить, просто пошутить, — немедленно закивал и Джон.

Молчаливый продолжал молчать.

— Хм… Пошутить? — я щелкнул пальцами. Изменение мерности пространства-времени резко увеличило свою амплитуду. За моей спиной сформировалась арка тетраврат. -Знаете, один мой знакомый говорил, что чувства юмора у меня нет. Что шутить я не умею, и шуток не понимаю. Но это он со зла, со зла… Пожалуй, мне тут пришла в голову именно что замечательная шутка… Я вот сейчас выйду в эту арку у меня за спиной, а вы тут оставайтесь. Я даже, наверное, проведаю вас… денька через два-три…

— Господин! — заговорил наконец-таки молчун. — Не надо… шутить. Мы и так все расскажем.

— Генри! — возмутились Сэм и Джон почти синхронно.

— Бараны, — отозвался почти тезка. — Несколько секунд ТАМ — семьдесят два часа здесь, — я уважительно кивнул головой. — А сколько тогда мы проведем тут, пока там пройдет «два-три дня»?

http://tl.rulate.ru/book/69520/1850787